Исследования

Коппалева Ю. Э. Финская народная лексика флоры (становление и функционирование). Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 2007.

3.8. Общенаучный и национальный языки в трудах английских и русских ботаников XVIII в.

> …для того долго не ответствовал что посылал в Фокино переводить и прошу вас чтоб писма изволяли ко мне писать поруски а у меня переводить некому
>
> *Из письма Г. А. Демидова Т. Герберу, 1740 г.*[25]

XVIII столетие — славный период в истории ботаники. В процессе становления этой дисциплины яркое воплощение находили новые для зарождающегося научного знания познавательные принципы — отстраненное наблюдение и объективное описание явлений природы, прагматизм в организации процедуры сбора сведений и артефактов и утилитаризм в отношении применения полученных знаний. Но основным принципом, направляющим восприятие ученых-натуралистов, становится установка на потенциальную познаваемость окружающего мира. Силу этого убеждения определило появление системы искусственной классификации растений К. Линнея [Любарский, с. 141], а уверенность в возможности «разделить» природу на категории (классы, отряды, роды и виды), через эту классификацию обозреть все возможные проявления жизни и тем самым установить властный контроль подкреплялась идеей всеобщего научного языка — единого универсального дискурса наименований для представителей природного мира. Биноминальный принцип наименования растений, также введенный Линнеем, сделал возможным не только через переименование природы ее символическое переподчинение человеку в новом — ресурсном — качестве,

[25] Цит. по: «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках : кол. монография / под ред. Л. П. Репиной. М., 2022. С. 147.

но и ускорил этот процесс, облегчив коммуникацию среди натуралистов из разных стран. (Половая система классификации растений была впервые изложена К. Линнеем в работе «Система природы» (1735), в которой в виде таблиц представлено подразделение минерального, растительного и животного царств на классы и порядки с указанием названий рода и некоторых видов. Биноминальный принцип наименования видов закрепляется в практике после выхода работы «Виды растений» (1753). Современная ботаническая номенклатура ведет свое начало именно с 1753 г., а зоологическая — с 1758 г., когда свет увидело десятое издание «Системы природы».)

Сообщество ученых получило возможность легче и быстрее ориентироваться в мире флоры, соотнося наличные образцы растений и семян со справочной информацией в ботанических атласах и практических руководствах, а также эффективнее осуществлять обмен сведениями между собой. Не только форма названия, но и способ описания растения вскоре стали стандартизированы. Ботаник-профессионал или натуралист-любитель, знакомые с системой классификации и принципом номенклатуры названий Линнея, получали доступ к знаниям о растительном мире даже самых удаленных от него уголков планеты и, более того, возможность в короткий срок самим приумножить это знание, описав по соответствующим правилам открытый вид.

Разумеется, рецепция системы и подхода Линнея не была всеобщей — «республика натуралистов» географически располагалась в границах Европы. Но даже внутри европейского сообщества находились оппоненты нового дискурса. Так, во Франции еще долгое время предпочтение отдавалось системе Бюффона — непримиримого противника таксономии Линнея [Glaser, p. 196–197]. Интересно, что основной линией возражения Бюффона являлась искусственность языка описания *естественной* истории: «Люди воображают, что стали знать больше просто потому, что имеют в своем распоряжении больше символических выражений и ученых фраз, и не обращают внимания на тот факт, что все эти искусства — не более чем строительные леса для созидания науки, а не сама наука как таковая» [Деар, с. 45]. Схематичность построения классификации и инструментальность новых терминов и названий возмущали натуралиста

и вызывали тревогу: увлеченные каталогизацией и составлением типологий люди отвыкнут от онтологических рассуждений, свойственных натуральной философии, которую сам Бюффон пытался привнести в свои занятия естественной историей.

В какой-то степени страх Бюффона сбылся: содержание понятия «природа», как и его роль в общественном дискурсе, за XVIII столетие трансформировались стремительно и необратимо. Из предмета изучения и величайшей загадки природа превратилась в структурированный набор артефактов и явлений, отношения между которыми подчинены универсальным законам, выведенным/созданным человеком [Daston]. Из окружающей повсеместно среды обитания — в дистанцированный ресурс, ценность которого определяется практической пользой [Латур]. Но тогда эти последствия были еще слишком трудно представимы и ощущались скорее интуитивно. Бюффон возражал Линнею скорее по привычке, будучи сторонником онтологического подхода, озабоченный поиском «подлинного философского содержания» в практике сбора и описания эмпирического материала для своей многотомной «Естественной истории» (1749–1788) [De Buffon].

В Британии и России распространение нового научного языка определялось, во-первых, имперской политикой власти, осознававшей не только символический смысл в изучении/подчинении природных ландшафтов своих отдаленных территорий, но и прямую практическую пользу в освоении флоры, фауны, полезных ископаемых и даже — через методы естественной истории — в постижении обычаев и нравов местных жителей этих земель. В историографии этот феномен получил свое концептуальное осмысление в понятии «имперской ботаники» [Шипицына, с. 23–36]. Во-вторых, апробация научного дискурса здесь непосредственно зависела от степени близости ученых этих стран к создателю новой таксономии и номенклатуры названий — К. Линнею.

В России становление ботанической науки, как и многих других дисциплин, происходило при участии приглашенных специалистов — главным образом, немецких ученых, которые состояли в переписке с «князем ботаники». Обмениваясь образцами, сведениями о действующих физических экспедициях и просто любезностями

в знак укрепления связей между Россией и международным научным сообществом, натуралисты не стеснялись и высказать свои опасения прославленному шведскому ученому. Так, в 1737 г. профессор ботаники и натуральной истории Петербургской академии наук Иоганн Амман писал Линнею: «Ты обещал объяснить в своей Critica Botanica многочисленные переименования [растений. — *Ю. Ш.*], сделанные тобою. Я полагаю, ты следовал тем же правилам, что изложил в Fundamenta Botanica. Но многие из этих правил не имеют универсального применения, чему примером служит то, что ты [вновь — *Ю. Ш.*] изменил названия. Я прошу тебя задуматься, что случится, если каждый станет использовать эти правила и рекомендации по своему усмотрению, менять названия уже известные, введенные лучшими учеными, — и все только ради того, чтобы создать новые. Не приведет ли это нас к чему-то еще худшему, чем вавилонское смешение?» [Knoespel, p. 212][26]. Как считает шведский историк науки К. Кноспель, осторожное отношение к новой номенклатуре отчасти было продиктовано памятью о русско-шведской войне [Ibid., p. 207, 209], а то, что Линней, предлагая биноминальный принцип создания наименований на латыни, на самом деле часто латинизировал многие шведские народные фитонимы, также могло вызывать отчуждение у русских ученых [Ibid., p. 213].

В Британии авторитет Линнея был прочнее, влияние — сильнее. В 1736 г. ученый посещал ботанические сады Челси и Оксфорда и лично познакомился с коллекционером и президентом Лондонского королевского общества (1727–1740) Гансом Слоаном и ботаником Иоганном Якобом Дилениусом, позднее профессором ботаники Оксфордского университета. Дилениус даже предлагал Линнею остаться в Англии и совместно подготовить к изданию обширный иллюстрированный ботанический атлас Pinax theatric botanici (переиздание труда Уильяма Шерарда 1623 г.), но шведский ученый любезно отказался [Glaser, p. 194–195]. Впоследствии именно системе Линнея было отдано предпочтение при подготовке статей по естественной истории в Encyclopædia Britannica (рус. Британской энциклопедии), а раздел, посвященный ботанике занял целых

[26] Перевод с англ. здесь и далее автора.

24 страницы. Авторы-составители упоминали о системах классификаций А. Чезальпино, Дж. Рэя, Ж. Бюффона, Ж. Турнефора, но полагали, что «глупо отвлекать внимание читателя объяснением всех этих методов. Мы отдали предпочтение системе Линнея, которую одну изучают нынче в Европе» [Glaser, p. 198]. После смерти Линнея большинство его коллекций и личных бумаг при участии Дж. Бэнкса было выкуплено Дж. Э. Смитом, который создал на основе этого архива Линнеевское общество (англ. The Linnean Society of London), действующее и по сей день.

Однако проблема перевода с общенаучного, условно «линнеевского», языка на национальный, в нашем случае английский и русский языки, не ограничивалась трудностями введения и применения латинской терминологии при описании вида. Нужно помнить, что в данный период наука как отдельная сфера и ботаника как узкая дисциплина переживали период своего становления, и научный дискурс испытывал на себе сильное влияние как народной фитонимии, так и литературного языка. В то же время перед авторами статей в энциклопедических и периодических изданиях, флорах и травелогах стояла задача объяснения самого принципа таксономии. Удобство классификации мотивировало расширять эмпирическую базу: чем большее количество растений будет описано в соответствии с методом, тем прочнее будет вера в познаваемость природы, а значит, решительнее станет и человек в ее освоении. Иными словами, задача перевода с общенаучного языка на национальный увязывалась с целью популяризации ботаники. Сбор, описание и выращивание растений, обмен семенами, создание ботанических иллюстраций должны были превратиться из рутинной экспедиционной практики ученых во всеобщее хобби. И этот процесс в России и Британии происходил по-разному. Знакомые с работами Линнея, выполненными на латыни, русские и британские натуралисты при создании собственных трудов обычно использовали две стратегии «переложения» идей шведского ученого: натурализацию и моралиэацию.

Хорошим тоном считалось написание «мотивационного введения» к работе, неважно, был ли это новый выпуск журнала или многотомный атлас. Во введении авторы поясняли, для чего, кроме

как удовлетворения обыкновенного любопытства, читателю следует знать основы ботаники. Василий Зуев, автор «Начертания естественной истории» (1776), первого и единственного для XVIII и ¼ XIX вв. оригинального учебника естествознания на русском языке, предпосылает главам учебного пособия текст, который представляет собой яркий пример натурализации естественно-научного дискурса. Учебник был специально написан для народных училищ, созданных по проекту реформы образования Ф. И. Янковича де Мириево 1782 г. и открытых в 25 губерниях к осени 1786 г. Учебник Зуева выдержал пять переизданий, последнее вышло в 1814 г., и им пользовались вплоть до 1825 г., когда естествознание на время исчезло из образовательной программы. Так что период с 1786 по 1825 г. по праву считается «зуевским периодом» в истории учебного естествознания в России [Райков, с. 276].

По Зуеву, «…в нуждах *естественных*, в благосостоянии, нет почти человека, которому *Естественной Истории* не знать, каким либо случаем, позволено было. <…> пища и питие, одеяние и прикрытие, нужды *преестественные*, по разным света полосам различныя, однако всегда первыя, уже довольно доказывают, сколько влияние Мира о познании веществ натуральных с самаго нашего начала на нас невидимо действуют. — Каким же образом познавать, приобращать, употреблять сии вещества, Книга сия, Начертание Естесственной Истории, изданная к употреблению в Народных училищах, заключающая в себе нужнейшие и притом по большей части Российское, есть цель, для чего она сделана»: первейшие потребности человека удовлетворяются за счет использования благ природы и потому знать, что из себя представляют эти блага не только строго необходимо, но и естественно [Зуев].

Введение содержит и своеобразные методические указания о том, как следует преподавать естественную историю в школе. Так, учителю после прочтения и истолкования учениками того или иного параграфа следует показывать исследуемый предмет «в самой натуре, или по крайней мере на картинке», потому должно в классе всегда иметь естественно-научную коллекцию и коллекцию иллюстраций. Особо оговаривается необходимость пояснять ученикам,

каким образом употребляются дары природного мира «для частной и общественной пользы» [Зуев].

Примечательно, что в учебнике Зуева нет ни слова о Линнее, никаких отсылок к его работам. В тексте параграфов все растения упоминаются только на русском языке, в их обиходных наименованиях, и только «роспись», помещенная в конце книги, содержит латинские названия, приведенные несколько бессистемно: роды и виды перемежаются между собой, а принцип, по которому «Орех грецкой» становится Inglaus regia, «Пшеничка»» — Zea mais, а «Самшит, или Пумпас» — Buxus sempervirens, не поясняется [Там же, с. 445–447]. Тем не менее классификация приведена в соответствии с системой Линнея: в параграфе 11 главы о «прозябаемом царстве» говорится о 24 классах растений, выделенных «по числу тычек, по положению их, месту, соединению между собой и виду» [Там же, с. 58]. Далее автор приводит еще одну классификацию — «по наружному виду и употреблению», выделяя 9 классов, в соответствии с которыми и будут описаны и приведены примеры в учебнике «пальмы, древа, кустарники, цветки, зелень, мхи, папоротники, поросты и грибы» [Там же].

Все иностранные растения, перечисленные в «прибавлениях», помимо общего описания, содержат комментарий об их экономической ценности. Это все пряности, красители, культурные растения, а также сырье для производства мебели [Там же, с. 227–234]. Таким образом, текст введения и параграфов «Начертания…» фиксирует в первую очередь утилитарные аспекты в развитии естественнонаучного знания. Ценность такого знания — в его прямой практической пользе, которая фактически объявляется естественным благом. Обратим внимание на вывод, какой делает автор в заключительном теоретическом параграфе 14: «Наконец, от всех сих сколько пользы для одного человека в пищу, лекарства и домостроительство, многие знают, но не многие признают *естества благость*!» [Там же, с. 60].

Сравним текст В. Зуева с введением, написанным Джеймсом Сауэрби к первому тому «Английской ботаники» (англ. English botany) (1790), в котором он объясняет, почему уважаемой публике пора переключить свое внимание с чужеземных видов на родные и привычные — главным образом, для развития сельского хозяй-

ства и экономики. Аргументы пользы и уникальности привычны и не новы, но Сауэрби приводит принципиально новый довод в пользу изучения ботаники, утверждая, что умение отличить подорожник от тысячелистника и знание, чем это отличие обосновано — прекрасное хобби для англичанина. Сауэрби убеждает читателя, что такое увлечение, сопряженное с регулярным пребыванием на свежем воздухе, является замечательным досугом: «…а в качестве хобби — это просто приятно и имеет то явное преимущество перед экзотической флорой, что способно любой моцион и небольшое путешествие превратить в увлекательное приключение» [Sowerby]. Он настаивает на том, что такое времяпрепровождение, поощряющее любознательность, наблюдательность и физическую активность «укрепляет как телесное здоровье, так и душевное» и противопоставляет любителей ботаники вечно занятым, чахлым и хмурым домоседам, которые, лишая себя подобного досуга, порабощают свой ум и тело, живут «лишенные как цели, так и удовольствия: ради работы, и только ради работы» [Ibid.]. Характерной чертой английских пособий по сбору, хранению и перевозке растений, периодических изданий и энциклопедии, таких как “English botany” являются обращения к широкому кругу читателей, среди которых, помимо профессиональных ботаников, фармацевтов, врачей и студентов, упоминаются также садовники и просто любители (англ. *amateurs*). Жанровое разнообразие ботанической литературы в Британии в это время было гораздо больше, чем в России, где лишь немногие экспедиционные отчеты и описания путешествий были опубликованы, а регулярная ботаническая периодика возникает только к концу XIX в.

В Англии были широко распространены тексты, представляющие собой художественный пересказ научных работ. Как правило, они создавались для такой читательской аудитории, которая в силу социальных причин была исключена из круга прямых «адресатов» научных ботанических текстов, — девушек и женщин. Саманта Джордж, исследовательница британских эпистолярных «ботанических романов», полагает, что широкая дискуссия в обществе на тему того, следует ли женщине знакомиться с ботанической номенклатурой ввиду ее яркой сексуализированности, является важной частью общего дискурса

о социальном статусе женщины в это время [George]. Своеобразная морализация ботаники возникает как ответ на экстравагантность описываемых Линнеем процессов размножения у растений: аналогии с семейно-брачными отношениями многим казались фривольными, ввиду чего изучение ботаники представлялось вредным занятием для молодежи, особенно девушек. Перед авторами — переводчиками Линнея на национальный язык — стояла задача тщательного вычищения двусмысленной лексики и поиск таких форм изложения, какие бы снимали всякие подозрения в дурных намерениях и скрытых смыслах ботанического дискурса.

Замечательным примером реализации такой стратегии морализации является «Введение в ботанику» Присциллы Уэйкфилд (1796). Написанное в жанре эпистолярного романа «Введение…» предназначалось для чтения в кругу семьи и носило явно выраженный воспитательный характер. В предисловии П. Уэйкфилд целью своего труда провозглашает «культивацию в юных созданиях любви к изучению природы» и акцентирует внимание на достоинствах такой «страсти»: ботанические изыскания, по ее мнению, «побуждают находиться на свежем воздухе, что благотворно сказывается на здоровье и самочувствии, а объекты для изучения легко доступны благодаря тому, что ничего не стоят и могут быть обнаружены повсеместно» [Wakefield, P. iii–iv]. В 28 письмах, написанных от лица старшей сестры Фелиции к младшей — Констанс, излагается половая система классификации К. Линнея и на конкретных примерах рассматривается строение и жизненный цикл растений. Уэйкфилд использует тривиальные английские названия, к примеру, «yellow-weed» (рус. сурепка), «service-tree» (рус. рябина) или «hawthorn» (рус. боярышник), но в сносках приводит латинские названия рода, к которому они относятся.

В тексте Уэйкфилд структура и строгость новой системы природы соседствует с цветистыми эпитетами, восторженными выражениями восхищения перед многообразием растительного мира и Божественным Замыслом (англ. *Divine Wisdom*). В четвертом письме Фелиция замечает: «Непосвященные зрители видят все эти вещи [растения. — *Ю. Ш.*], но не наблюдают их; какое счастье, что у меня есть инструкции и гид, который учит меня пользоваться собствен-

ными глазами и обнаруживать эти дары, коими меня наградила природа!» [Wakefield, p. 17].

Помимо стремления всякий раз подчеркнуть дидактическую пользу изучения ботаники [Ibid., P. 46–48], автор уделяет внимание и личности самого Линнея, помещая в пятом письме небольшой биографический очерк, посвященный юности прославленного шведа. Выступивший против воли отца-священника и в качестве наказания вынужденный отправиться подмастерьем к обувному мастеру будущий великий ученый предстает романтическим героем, влекомым жаждой познания [Ibid., p. 26–28]. Сравнивая Линнея с Ж. Турнефором, автор утверждает, что «…величайший гений вознес его над всеми предшественниками: его система имеет универсальное применение (англ. *universally adopted*)» [Ibid., p. 26]. А в завершении данного письма вновь акцентирует внимание на том, «…сколь легче студентам теперь добывать знания о природе, в сравнении с тем, каким изнуряющим и кропотливым трудом это было до изобретения системы» [Ibid., p. 28].

Ботаника стала «чарующей большой наукой XVIII в.» [Дастон, с. 79], поскольку в этом нуждалась империя. Однако необходимым условием триумфа естествознания являлись произошедшие изменения в самом способе и практиках познания. Имперский дискурс подчинения территорий через их природное освоение не был бы возможен без идеи подчинения человеком природы, реализованной в сосуществовании общенаучного и национального языков. Наличие различных каналов распространения актуального научного знания и оригинальных способов его популяризации в Британии стало важным фактором успеха имперского ботанического дискурса. Скудость таковых в России привела к осознанию властью необходимости обучения основам естественной истории подрастающего поколения. И в том, и в другом случае имели место натурализация и морализация языка описания ботанических изысканий. «Начертание…» представляет собой яркий пример натурализации научного дискурса: не только некоего научного способа постижения мира, но и обусловленного этим способом отношения к этому миру. Опираясь на источники, мы можем сказать, что это утилитарное отношение к природе находит свое выражение в языке, но также

справедливо и другое — не только общенаучный, но и национальный язык участвуют в формировании этого прагматичного образа природы. «Введение в ботанику» решает задачу морализации ботанического дискурса — своеобразного оправдания натуралистов, проникающих в тайны жизненных циклов растений, и придания ботаническим штудиям подчеркнуто добродетельной и воспитательной направленности.

Источники

Зуев В. Ф. Начертание естественной истории / изданное для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующия императрицы Екатерины Вторыя. В Санктпетербурге : [Тип. Брейткопфа], 1786. Ч. 1. 240 с.

De Buffon G. L. L. Histoire naturelle, generale et particuliere. Paris : Imprimerie royale, 1749. T. 1–15.

Sowerby J. English botany Or, Coloured Figures of British Plants, with their Essential Characters, Synonyms and Places of Growth. Published and illustrated by James Sowerby. London : Robert Hardwick, 1790. Vol. 1. № 1.

Wakefield P. An Introduction to Botany, In Series of Familiar Letter, with Illustrative Engravings. Dublin : printed by Thomas Burnside, 1796. 180 p.

Исследования

Дастон Л. История науки и история знания // Логос. 2020. Т. 30, № 1. С. 63–89.

Деар П. Историей чего является история науки? // Логос. 2020. Т. 30, № 1. С. 29–62.

Любарский Г. Ю. Рождение нового естествознания с точки зрения наук о жизни // Логос. 2020. Т. 30, № 1. С. 131–158.

«Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках : кол. монография / под ред. Л. П. Репиной. М. : Аквилон, 2022. 1068 с.

Латур Б. Где приземлиться? Опыт политической ориентации / пер. с фр. А. Шестакова. СПб. : Изд-во Европейск. ун-та, 2019. 202 с.

Райков Б. Е. Академик Василий Зуев (1752–1794) // Труды Ин-та истории естествознания и техники. 1955. Т. 4. С. 244–280.

Шипицына Ю. С. Рождение ботаники в Британии: имперский и национальный дискурсы (последняя треть XVIII — начало XIX в.). Екатеринбург : Изд-во Урал. федер. ун-та, 2021. 160 с.

Daston L. Against nature. Cambridge, MA : MIT Press, 2019. 53 p.

George S. Linnaeus in Letters and the Cultivation of the Female Mind: "Botany in an English Dress" // British Journal for Eighteenth-Century Studies. 2005. Vol. 28. P. 1–18.

Glaser R. The influence of Carl Linnaeus on the Encyclopedia Britannica of 1771 // Languages of science in the eighteen century. Berlin, Gottingen : Walter de Gruyter & Co, 2011. P. 193–206.

Knoespel K. J. Linnaeus and the Siberian expeditions: Translating political empire into a kingdom of knowledge // Languages of science in the eighteen century. Berlin, Gottingen : Walter de Gruyter & Co, 2011. P. 207–226.

3.9. Первые переводчики Екатеринбурга (1730-е гг.)

В октябре 1734 г. Татищев прибыл в Екатеринбург в качестве начальника казенных заводов Урала и Сибири, с июня 1737 г. одновременно возглавил и Оренбургскую экспедицию в Самаре, переехал туда, оставаясь главой заводов до весны 1739 г. За этот короткий период изменился культурный ландшафт Екатеринбурга, он превратился в крупный центр образования с шестью учебными заведениями, почти всеобщей детской грамотностью. Татищевым была сформирована уникальная большая библиотека Горного ведомства из лучших западноевропейских изданий на иностранных языках и новейших изданий типографии Академии наук. Впервые были установлены тесные связи с Академией наук, и Екатеринбург впервые стал центром переводческой деятельности, проводившейся в научных целях.

В Екатеринбурге Татищев активно работал над написанием «Истории Российской», первой научной историей страны. Еще по пути на Урал он задумал организовать серьезную работу по переводу литературы, в которой нуждался сам, результатами этих переводов должна была пополняться и самая крупная библиотека